

Новая Жизнь
5 июня 1980

4
Вспомним о тех, кто командовал
ротами... Кто умирал на снегу...

/Ленинградская застольная/ 12/8

О П О Л Ч Е Н Ц Ы .

Прибыл он в запасный полк гороховецких лагерей как-то под вечер. Это был коренастый, невысокого роста и не по годам расторопный человек. Ему было уже под полсотни, но чувствовалась в нём какая-то живая уверенность в движениях и разговорах, как у человека бывалого и уверенного в себе. Было видно, что он невпроборот проведаль на своем жизненном пути. Не веяло от него и мужиковатостью - деревенщиной, а наполнен он жизнью, где были не запасные, как здесь, а самые боевые полки, где была не третья для тыловиков, а первая фронтовая норма питания. Шинель на нём серая беу - бывшая в употреблении, самая обыкновенная солдатская и аккуратно подтянута кожаным ремнем, трех на ватной подкладке, вмеру надвинут на правое ухо. На ногах керзовые сапоги, а не ботинки с обмотками как у нас, которые сползали и спускались на пятки в самый неудобный момент. Алюминевая самоотлитая ложка уточной торчала из под голенища. За спиной на левом плече подтянут полупустой "сидорок" -вещевой мешок так тогда называли, а поверх его впивался медный котелок.

-Вот здесь, указывая на свободное место на нижних нарах, сказал сержант, приведший его в казарму, - Вот тут и располагайтесь товарищ Крутиков.

Он быстро вошел в казарменную жизнь и в тот же вечер познакомился со всеми ополченцами.

Казарма была набита, а столовая всех не вмещала и завтрак принесли в наплечных термосах.

Принесли хлеб. Сержант Клычков отрезал от караваев кусок, налил из термоса в свой котелок щей и говорит:

-Нате делите!

Крутиков встал, посмотрел на окружающих и, обращаясь к сержанту сказал: -Давно-ли такой порядок установлен?

-Я командир отделения, налил себе что положено, а ты со своим уставом в наш монастырь не суйся!

-Здесь не монастырь, а Устав Красной Армии я давно изучил. Так что выливай обратно. - Крутиков взял котелок и вылил щи обратно в термос. Отрезанный кусок приложил к буханке и разделил на семь равных частей. Это был мастак в делёжке продуктов: кусочки были аккуратно нарезаны и выложены. Было видно, что это человек словоохотливый и за словом в карман не полезет.

-У меня перед войной скопилось девять ртов: семеро детей, да мы с женой, - говорит он ^{нарезая} ~~разрезая~~ порции. - Я научился лишнего не давать никому, а положенное отваливать с точностью до грамма, чтобы никого не обидеть, чтобы никто в накладе не был.

-Отвернись! - подсказывает он мне. - Кому? - спрашивает меня, когда я отвернулся.

-Иванову. -

-Кому? - спрашивает далее.

-Сержанту Клычкову.

- Это тебя не вотчина, - передавая ему положенную порцию говорит Крутиков. - Таких сержантов очень много в армии. У меня три сына - двое рядовых и один лейтенант на фронте. Устав, дорогой сержант, никому нарушать не позволено.

Наступила тишина и равномерное бряцание ложек о котелки.

-Ну и хорошее варево сегодня?! - говорю я принимая от Крутикова котелок. Рыба разварилась на мелкие дробинки

и несколько кусочков картофеля проскочило в котелок.

- Не варево, а уха из рыбьего пятака, - поправляет он. - крупинка за крупинкой бегают с дубинкой. - Достает из "сидора" медный котелок и показывая его, говорит: - Он со мной две войны прошел и не отстает от меня, как талисман. - шутит он.

-Интересно бы узнать как долго сохранился? - спрашиваю я.

-Очень просто! -наливая в котелок себе последним, говорит Крутиков. -Мне ещё не исполнилось двадцати, сыну пошел второй годик, а меня в одна тысяча девятьсоф пятнадцатом году призвали в царскую армию. Вскоре попал на фронт. Участвовал в брусилловском походе на Карпаты. Оттуда хватил горьч отстужения. Потом сидели в мёрзлых окопах. К концу войны братались с австрийцами и венграми. Весной восемнадцатого вернулся домой.

Летом не успели с полей яровое убрать, а в августе по добровольному призыву ушел в Красную Армию. Добивали Деникина, Колчака и Врангеля. Вернулся домой только летом двацать первого вместе вот с этим котелком. Был у меня ещё и младший брат -Федором звали, его призвали в шестнадцатом. Так он погиб на фронте с немцами. В ту войну из дома двое выходили, а в эту пришлось вчетвером добиваться победы.

- "- -

Через несколько дней в ^{накры} прибыло новое пополнение. Крутиков в этот день был дневальным. Пропустив в казарму несколько человек, следующего остановил. Хлопнул по плечу и чуть-ли не вскрикнул: -Шючков Степан Михаелыч, земляк!?

-Ба-а! Да ведь это ты Илья Василич! Сосед!?!..

Так встретились два близких человека из одной и той же деревни Старого Трыка, Кизнерского района и оба из Удмуртии. Времени тож после того как в разное время отправились из деревни прошло не так много, но разговоров и расспросов хватило до утра.

-Видишь, Степан, мы здесь все четыре мужика, а дома-то одна Анна осталась с малышами... Как она там бедная? Один нынче только в школу пошел, другой под стол еле научился ходить, да и девочкам надо-бы учиться.

-Ну уж, Илья, если хвалиться, то мы не на-много от тебя поот-стали: младший-то ^{Николай} тоже как и твой Михаил лейтенантом воюет старшого Ивана сержантом определили. Только мы с тобой третью войну в рядовых ходим. Да ведь у меня ещё и три брата воюют, так что нас Щелчковых целое воинское подразделение.

Говорили о всяких обычных делах, о родных и близких, об общих знакомых и срседях; о том что пишут из дома: от кого получены уже похоронки, а кто находится в госпитале, или может быть вер-нулся по-ранению домой.

Теперь они всегда спали рядом. Когда было холодно в бараке, а такие ночи были всю зиму, прижимались близко спинами друг к другу и накрывались сверху ещё двумя серыми шинелями, несмотря на то, что ложились на ночлег всегда в гимнастерках и в ватных брюках.

Ходили вместе в караул. Оба уже не молодые, а как бывшие соседи, теперь оказались самыми близкими и всё больше привязывались один к другому.

Вместе ходили на занятия, а какие для них были занятия или уче-ба, когда оба побывали уже в горниле войны. Тот и другой по-стоянно ворчали, что это раньше не так делалось, а это проходили на передовой, а там-то, братец ты мой, совсем не так делается. Зи-ма стояла холодная. На ученьях ноги в ботинках с байковыми под-вертками, мёрзли. Валенки до отправления на фронт не выдавали.

Вместе из одного ильиноного медного котелка ели суп или щи три раза в сутки, а из другого алюминиевого - кашу или горох, а этим забавлялись только в обед. Получали семьсот граммов хлеба хорошего, ржаного хлеба. Целый день находились на морозе, то в учении, то в работе. Подтягивали потуже ремешками животы, а от молодых не отставали.

Отправили из лагерей внезапно, неожиданно. Утром получен приказ послать на фронт пополнение, а к вечеру ополченцев привели в красный уголок и приказали раздеться до-гола. Фельдшер измерил температуру. Нормальная. Врач спросил: на что жалуешься? А так как жаловаться было не что и не на кого, одевались.

Сержант Клыков провожал отъезжающих из казармы.

-Что, подлиза, остаешься в тылу? Красная рожа, а ведь ты нам в сыновья годишься. - глядя в упор Клыкову, говорит Крутиков.
-Наши-то все на фронте.

Трезвонят рельсы. Могуче движется эшелон. Лязгая на стыках колесами, отзывается: "ковать победу! Ковать победу!" Солдаты любят запускать глаза в окна на мелькающие снежные равнины и зелёные даже зимой рощи, но теплушка в которой едут наши односельчане, окон не имеет, так ополченцы, когда немного пригреет солнце ухитряются смотреть в приоткрытые широкие двери, раздвигающиеся в бок, как в мягком вагоне. К вечеру массивное полотно закрывается наглухо. Теплушка нагревается каменным углем. "Буржуйка" временами раскаляется до-красна, а потом медленно остывает и мороз бесцеремонно прокрадывается во все щели. Солдаты взбираются на нары и, поёживаясь, вспоминают о домашнем уюте.

Едут третьи сутки. Сухой паек, полученный на два дня, давно исчез. Остановка в большом городе. Вблизи вокзала небольшой рынок, как и в мирное время. Ополченцы выскакивают из вагонов. Идет оживлённая торговля и товарообмен. На кусок бязи, полученной для обмотки ног, друзья выменивают поллитра молока и шесть картофелин. Подвезло. Усаживаются на нарах, подкрепляются и мирно обсуждают:

-На фронт, а не куданибудь в тыл едем, - говорит Илья, -Хотя от слова и не сбудется, но всякое может случиться.

-Конечно, нельзя бросать один другого в беде. - сочувствует Степан.

-Ну, к слову молвить, кто останется живым, обязательно сообщить домашним, как и где это случилось.

-Слово не обух, в лоб не бьёт: будем надеяться, что вернейся с победой.

-В гости ещё один к другому будем ходить.

-И вспоминать вот эти военные годы.

-Мы тут без дела мучаемся, а наши бабоньки от зари до зари вкалывают. Небось от тяжелой работы руки разламывает у них.

-Станция Березай! - раздаётся за вагоном. - Дальше не поедём. Братва вылезай!

Редкие домики сиротливо раскинулись до леса. Впереди разбитое деревянное здание вокзала. Паровоз остановился напротив водонапорной колонки и шлангом набирает в котёл воду.

Крутиков выскочил из вагона. Снял шинель и гимнастерку; оставшись только в ватных брюках, налил из крана в ведро воды; сначала умылся, а потом говорит Щелчкову:

-Степан! А, ну хлестани мне из ведра на голую спину.

-Что ты, Илья, Простуду поймаешь. Не нужно этого.

-Ни черт не сделается. Сыпь!

Степан постепенно вылил на него всё ведро, а Илья покрывал. Встрепенулся, растер тело полотенцем до-красна и оделся.

В столовой накормили обедом. После этого выстроили колонну по-четыре и сопровождающий старший лейтенант скомандовал:

- Ша а агом марш!

Вечерело. Сверху валил снежок, застилая широкую наезженную дорогу белой пеленой. С редкими привалами солдаты из пехоты по этой дороге прошли сорок километров, остановились, а идти всё ещё охота, но до передовой оставалось только двадцать. Над головами пролетают самолеты, а впереди ночную темноту прочерчивают прожектора - чего разыскивают на небе, где время от времени видны огненные взрывы.

догони
и насчитают, изрешит вращ
достигают его

127

На рассвете колонну выстроили. в два шеренги. Явились вербовщики

-Кто разведчики? - спрашивает старшина, - Два шага вперед!

-Есть связисты?

Друзья вышли из строя. Их назначили в противотанковое подразделение. Служба хорошая: один дежурит у телефона, другой на линии.

-- " --

Воинское соединение занимало оборону. Самый активный вид обороны, говорят фронтовики, - непрерывное наступление. В сводках информбюро сообщалось, что на этом фронте идут бои местного значения. Над головами пролетают фашистские бомбандировщики и обрушивают огневой груз. Зенитки, стиснув зуб, дают отпор врагу. Стучат станковые пулеметы. Трассирующие нити вылетают с той и с другой стороны и гаснут.

Вблизи грохот. Это работает "катушка", посылая противнику армаду раскаленных снарядов. Они поднимаются с земли, как стая огненных голубей и только перевалив полукруг, превращаются в голубых и с грохотом опускаются на вражеские позиции.

-Усталые бойцы-артиллеристы за лямки вытаскивают орудия на огневые позиции.

-Огонь! - подает команду молодой лейтенант, дрогнувшим голосом. Его батарея бьет по вражеским танкам, разрывая кольцо осады.

-Огонь! Огонь по врагу! Мсти за родную землю! Огонь!

Крутиков, дежуривший у телефона упорно вызывает "Сокола", но тот молчит. -"Опять связь прервана." - думает Илья и расталкивает Щечкова, прикорнувшего на нарах. Тот только что вернулся с линии.

-Подежурь у аппарата, ~~я~~ ~~иду~~ ~~устранять~~ ~~разрыв~~ ~~провода~~ ~~на~~ ~~линии~~.

Вышел из землянки, взял в левую руку провод, а в правую карабин, согнулся дугою и под неистовым огнем противника, продвигался вперед по изрытому снарядами полю. Там где место было

открытое и простреливалось снайпером, он припадал к земле и по-пластунски плыл за ниткой; если вблизи разрывался снаряд он вращался в землю-спасительницу и крепко прижимал к голове стальной шлем, а затем снова плыл или бежал, пока не нашёл разрыв.

Через полчаса Щелчков услышал зуммер и голос Крутикова:

-Как слышишь меня, Степан?

-Отлично! Илья, Жду тебя обратно.

Соединив провод, Илья успокоился и хотел уже возвращаться. Приподнялся на одно колено, но в это время его обдало горячим воздушным потоком. Он припал сразу же к земле и даже не слышал разрыва снаряда, а только почувствовал резкую в правом плече. Зазубренный раскаленный осколок величиной с подкову, с обостренными неровными краями, перебил предплечье и оборвал руку. Тут он, истекая кровью лежал, умирая на снегу.

Вот так только в третью войну подкралась смерть солдату. Он лежал на животе, головой на запад. Крепко сжимал карабин в руке а сквозь парусину в "сидорке" выделялся медный котелок.

На следующий день Степан выполнил предсмертный наказ друга. В солдатском треугольнике описал как умирают солдаты в бою.

Через несколько дней в далекую безсветомаскировочную деревню Старый Трык поплыл в конверте с красной каймой и штампом военной цензуры формуляр на имя жены - Анны Крутиковой. В похоронке сказано: "Ваш муж - солдат Илья Крутиков пал героически, смертью храбрых." Фактически он не совершил никакого героизма, даже храбрым не был и не был награжден даже медалью "ЗА ОТВАГУ". Просто сознавая неизбежность смерти, не останавливаясь перед необходимостью, под вражеским огнем соединил связь для ускорения победы.

- - " - -